

Павел Волчик

#ОБИДЫ МАРИИ
#ВЗРОСЛЫЙ
#ГОЛОСА ДРУГОЙ
ПЛАНЕТЫ

рассказы

Павел Волчик
Обиды Марии.
Взрослый. Голоса другой
планеты. Рассказы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23304774
ISBN 9785448388880*

Аннотация

Обиды Марии. Наум скрывает страшный секрет. Куда он исчезает после каждой ссоры с женой? Мария терзается в догадках, но настанет день, когда тайное станет явным. Взрослый. Алёша впервые узнал о жизни всю правду. В детском лагере он наконец-то почувствовал себя взрослым. Но приезд родителей становится для мальчика настоящим испытанием. Голоса другой планеты. Ари объездил полмира, говорит на двенадцати языках, прекрасно рисует, разбирается в музыке. Удастся ли ему разгадать тайну новой планеты?

Содержание

Обиды Марии	5
Взрослый	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Обиды Марии. Взрослый. Голоса другой планеты Рассказы

Павел Волчик

© Павел Волчик, 2017

ISBN 978-5-4483-8888-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обиды Марии

Тридцать лет Наум был женат на Марии.

Эти тридцать лет были долгими, словно они провели их в автомобильной пробке или в почтовых очередях.

После их свадьбы не было и дня, чтобы Мария хотя бы раз не устроила скандал и не обиделась на мужа.

Наум думал: «Ведь прожили мы как-то полжизни вместе, воспитали детей. Значит, не всё так плохо».

В Науме было сто килограммов веса. Он мог один перенести нераспиленное четырёхметровое бревно. Но руки на Марию он никогда не поднимал.

«Наум Жданов не здоров», – говорили про него многочисленные родственники. – «Потому что здоровый человек не вытерпел бы так долго».

– У тебя в мозге, Наум, вероятно, есть незначительное нарушение. – С важным видом говорил ему друг, психиатр со стажем, за кружкой пива. – С виду ты очень миролюбивый разумный человек. Но то, что ты терпишь каждый день в своём доме, выше человеческих сил. Вот тебе медицинский факт: на свете встречаются люди, у которых не работают в мозге зоны гнева, и ты один из таких уникалов. Ты не способен как следует разозлиться, Наум. Может быть, в коре лобных долей у тебя дыра? Давай сделаем снимок на томографе?

- Это у тебя дыра вместо рта. Сейчас пиво польётся. Не будем мы делать никакой снимок, – отвечал Наум.
- А лбом ты в детстве не стучался?
- Не стучался, в отличие от некоторых.
- Что же с тобой не так...
- Всё так. Просто у меня есть отдушина.

Друг-психиатр только примерно знал, о какой «отдушине» говорит Наум, но разве может *садоводство* помочь браку?

Рассказывали, что Жданов любит уезжать далеко за город и «копаться в земле».

Никто не вдавался в подробности, что значит это «копаться в земле».

Наум Жданов хорошо зарабатывал, у него был лесопильный завод под Новгородом. Позднее он открыл несколько магазинов по продаже садовых и парковых деревьев. Может быть, там, на работе, он «копается в земле»?

Мария была домохозяйкой. Она почти никуда не выбиралась, пока занималась детьми. Когда дети стали старше и разъехались по миру, Мария по привычке проводила большую часть времени дома.

Причин на обиду у неё находилось много:

Наум задержался к ужину в пробке;

Наум не убрал за собой посуду;

Наум засмеялся, когда ей было грустно;

Наум громко говорил на людях;

Наум всю ночь храпел;

Наум сказал не то;

Наум сказал не так;

Наум слишком долго чинил машину;

Наум говорил с ней только о своих делах;

Наум много молчал;

Наум никуда её не возит;

Наум решил увезти её из дома тогда, когда она хотела отдохнуть.

Однажды она сумела обидеться на мужа в его день рождения. В другой раз, когда он уезжал на неделю в командировку. И ещё, был случай, когда он встречал её из роддома и впопыхах забыл купить цветы.

Мария могла обижаться день, неделю или месяц. Иногда она с удивлением обнаруживала, что обижается целый год.

В квартире Ждановых были специально отведённые места, куда Мария уходила дуться после скандала: летом на балкон, зимой в бывшую детскую.

Конечно, Жданов не всегда был таким терпеливым. Первые десять лет он огрызался в ответ и даже один раз хлопнул дверь и вышел на улицу.

На следующий день, после его показательного ухода, он вернулся домой весело посвистывая.

«К кому это он ходил?» – Мария вывернула карманы его

пальто, надеясь найти какие-нибудь улики. На пол выпал свёрнутый пакет с документами. Жена изучила бумаги и обнаружила, что Наум купил огромный участок земли за городом, даже не посоветовавшись с ней.

Она бы спросила у него – для чего? Но не могла, потому что обиженные, обычно, не разговаривают с теми, на кого обиделись.

С тех пор Жданов стал спокойнее реагировать на скандалы. Он часто уезжал после ссор, и возвращался обратно в приподнятом настроении.

Мария не понимала, куда он ездит, и подозревала мужа в измене. Он только отшучивался в ответ и говорил что-то невнятное про свою «отдушину». Жена обижалась и уходила в детскую или на балкон.

Приближался юбилей их жемчужной свадьбы. Мария попросила мужа заказать для гостей рыбу. Он позвонил в ресторан и ему объяснили, что, к сожалению, им не удастся приготовить рыбу, потому что поставка морепродуктов временно отменена, зато смогут подать очень вкусное мясо. Жданову пришлось согласиться.

Весь праздничный вечер Мария не разговаривала с Наумом и улыбалась гостям.

Рано утром он разбудил её и сказал:

– Вставай, нам пора ехать.

Она сквозь сон попыталась вспомнить, на что обижается

на него сегодня, но не смогла.

– Куда?

– Узнаешь. Сюрприз на свадьбу.

– Я хочу отдохнуть.

– Отдохнёшь в пути, мы не работать едем.

Она с трудом поднялась с кровати. Потянула носом. Завтрак был уже на столе.

Мария неторопливо съела яичницу, выпила кофе с вафлями и оделась. Всё это время Наум дожидался её в машине.

Они выехали из города.

По летнему небу скользили облака. Смешанный лес сменился лугами и пашнями.

Супруги молчали, словно за тридцать лет сказали друг другу всё, что знали.

Машина свернула на просёлочную дорогу и запрыгала на ухабах.

Местность пошла холмистая. Марию замутило.

– Ещё долго?

– Нет, не долго, – странным голосом ответил Наум.

Автомобиль заревел и заехал на последний холм, самый высокий.

Муж заглушил мотор, вышел из машины, хлопнув дверцей. Мария посидела немного, подождала объяснений и, не дождавшись, вышла следом.

С холма открывался вид на широкую равнину, простирающуюся до горизонта.

Мария скрестила руки на груди и зевнула:

– Ну и зачем ты меня сюда притащил?

Он молчал, как истукан с острова Пасхи, затем поднял руку и указал вдаль.

– Видишь тот флажок на шесте?

Мария сощурила глаза и с трудом разглядела на горизонте кусочек ткани, трепыхающийся на ветру.

– Вижу. И что?

– Там кончаются наши владения.

– Допустим. А можно узнать, что ты собираешься делать со всей этой землёй?

Он впервые за всю дорогу от дома посмотрел на неё.

– Я не собираюсь. Я уже сделал.

Мария тяжело вздохнула.

Наум кашлянул в кулак:

– Посмотри внимательнее. Что ты видишь?

Она видела два гигантских поля, разделённые полосой. Одно до горизонта было густо засажено плодовыми деревьями. На другом поле чернела распаханная земля, на нём росло всего с десяток яблонь.

– Это твоя «отдушина»? – спросила она.

Он кивнул и сказал, покрутив пальцами обручальное кольцо:

– Тридцать лет назад я дал клятву быть с тобой, несмотря ни на что. Я был верен тебе, хотя ты и подозревала меня в измене. Заботился о тебе, когда ты болела. Растил вместе

с тобой детей. Но, знаешь, в той клятве ни слова не было сказано про обиду. А я, хоть убей, не был к этому готов.

Марии показалось, что он сейчас снимет кольцо и бросит его прочь. Но он перестал терзать безымянный палец и указал на поле с десятью деревьями.

– Когда я понял, что долго с тобой не выдержу, я купил эту землю и стал сажать по одному дереву, каждый раз, когда на тебя обижаюсь.

Наум внимательно посмотрел на жену.

– Затем я понял, что этого недостаточно и стал сажать деревья всякий раз, когда на меня обижаешься ты.

Мария поёжилась, новым взглядом окинула поле, густо засаженное яблонями. Она видела, что до самого фляжка тянется фруктовая плантация. Её щёки запылали огнём, глаза гневно вспыхнули: «Что за комедия?! Он думает меня перевоспитать? Нашёлся, святой!»

Наум пристально следил за её лицом.

– Эй, Мария!

– Что? – она отвернулась от него, от деревьев, которые мозолили глаза.

– Так, ничего. Я на всякий случай засунул в багажник ещё один саженец.

Она всхлипнула, незаметно вытерла щёку.

– Так сажай! Ну! Давай устроим цирк. Покажи всем, какая у тебя ужасная жена!

Наум подошёл сзади, тихонько обнял её за плечи. Она

вздрагнула.

– Мария, извини, но на твоём поле не осталось места.

Она почувствовала, как он затрясся, и в первые секунды не поняла, что происходит.

«Да, он хохочет. ХОХОЧЕТ!»

Сначала Мария хотела обидеться, потом подумала, что глупо, если он пойдёт сажать новое дерево, ведь для яблони нет места. Да, не всё ли равно, будет он снова сажать дерево или нет?! А если всё равно, то почему она должна обижаться?

Она вконец запуталась, и тогда...

...в груди её шевельнулись какие-то ржавые шестерёнки, затрещали, заохали. Мария вскрикнула, вдохнула сырой воздух и захохотала.

Щёки заболели, свело живот, каждое вымолвленное слово снова и снова запускало взрывы смеха...

«И не лень тебе было?»

«Тебе ж не лень было дуться!»

Она дала ему подзатыльник, Жданов согнулся от хохота пополам.

«В следующий раз», – задыхаясь, еле выговорила она. – «В следующий раз я буду заводит свинку, каждый раз, как ты бросаешь на пол свои носки!»

«Значит, у нас скоро будет ферма!» – отвечал муж, вытирая выступившие слёзы.

Потом они отдышались, обнялись и сели в машину, оста-

вив на холме тридцатикилограммовый груз, давивший им на плечи долгие годы.

Автомобиль весело покатился с горки.

Не посаженное на «Поле Обиды» дерево пошло на продажу.

2016

Взрослый

Алёша сильно изменился за последний месяц. В осеннем лагере для подростков, где он проводил радостные и волнительные дни, где участвовал в конкурсах и ходил на вечерние танцы, где была школа с нескучными учителями и где не задавали домашних заданий, Алёша впервые узнал о жизни всю правду.

Тут он испытал и горечь предательств, и азарт полночных приключений, принял законы настоящей дружбы и встретил, наконец, любовь всей своей короткой жизни. Возлюбленная его жевала фруктовую жвачку, носила короткую майку и была подстрижена, как мальчик. Взгляд у неё был озорной, а по вечерам таинственный. Смеялась она обычно так звонко, что Алёша краснел и терялся.

Теперь он много молчал. На мир глядел взглядом морского волка – невозмутимо, с философией. И даже прыгая с бетонного парашюта на асфальт, сохранял в лице героическое выражение.

Здесь же он научился курить, не кашляя и не вдыхая глубоко противного дыма. А также выражаться словами, которые делали его в чужих глазах выше ростом и шире в плечах.

Алёша заканчивал седьмой класс, и не было никаких сомнений – жизнь его скоро пойдёт в гору: ведь нет на земле человека, с которым он не смог бы найти общего языка. Те-

перь у него появились новые знакомые из самого Центра Города. Иметь таких приятелей – большая гордость.

Джимбо, например, делал стойку на руках и крутился под ритм на голове до тех пор, пока с него не слетала куртка. Краш был слишком щуплым для кручения, зато он знал все существующие музыкальные группы, поименно каждого участника, угадывал безошибочно треки и альбомы, и никто не умел курить так изящно, как он.

Опытных, из Центра, в лагере особенно почитали.

Когда приятели упоминали в разговоре «Порт», «Дважды Шесть» или «Мексика» – эти названия звучали, как новые неведомые миры, где скапливается вся мощь большого ночного города, где танцы, драки, коктейли и веселье созданы только для них. Алёша, выросший на окраине Города, пытался представить себе такие клубы, он был почти уверен, что именно там кипит настоящая большая жизнь. Несомненно, Лёшу там ждали.

Он, оставшись один в комнате, много мечтал: махал кулаками и ногами, побеждая врагов в драке (быстро уставал и дышал часто). Одержав над негодьями верх, он уводил за руку из клуба прекрасную подругу, которая впервые должна была за это поцеловать его. Хотя бы в щёку.

Джимбо и Краш быстро признали Алёшу своим за то, что он не выдавал их вожатым, и, не колеблясь, пускался в самые опасные авантюры. Именно он догадался подставить тяжёлое бревно к забору, чтобы по нему все смельчаки перебирались

на другую сторону, туда, где находился заветный магазин.

Никто не смел называть его здесь пухлым и толстым, Лёша доказал свою надёжность и гордился тем, что в отряде ходят слухи о его смелости и силе. Джимбо и Краш, посоветовавшись, стали называть его Лексус. Алёша гордился новым прозвищем.

Всё, что было у него в гардеробе, он старался сделать похожим на одежду приятелей. Обычные джинсы он немного приспускал. Футболка должна была торчать позади воротника джемпера, а не спереди. Шнурки на кроссовках или кедах хитрым образом завязывались над пяткой. Приветствовалось ношение солнечных очков.

Здесь быстро образовались отщепенцы, которые одевались не так, ходили странной походкой и ели смешно и неумело. *С такими* никто не хотел садиться за один стол, *и без таких* в столовой *не над кем было посмеяться*.

Нельзя было предсказать, за что тебя зауважают. Однажды Алёша сел за стол с одним из отщепенцев, последний был длинным, как жердь, с большими костяшками пальцев и грустными рассеянными глазами. Сам Алёша никогда никого не обижал: может, потому, что помнил ещё, как его дразнили в обычной школе. И будучи юношей незлым, с мягким сердцем, он случайно разговорился с отщепенцем о динозаврах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.